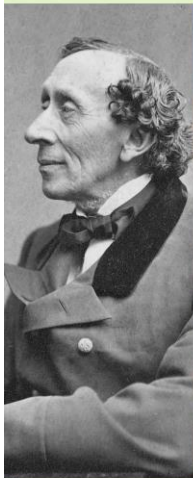

Андерсен Ганс Христиан

Картинки – невидимки

Аннотация

Сборник рассказов написан в 1847 году. Он состоит из 33 коротких историй, зарисовок, фантазий. Тонких, как лунный свет, и таких же поэтических. Автор — сын сапожника и прачки, поэт из народа, испробовавший на себе все тернии классового общества, никогда не упускает случая подчеркнуть свою симпатию к угнетенным. Добрые чувства, сила нравственного совершенствования человека — для писателя залог лучшей жизни. При этом нельзя не почувствовать прелесть удивительного сочетания романтики и реализма, фантазии и юмора, веры в торжество идеалов добра и красоты в его книгах.

Перу Андерсена принадлежат и такие произведения: «Теневые картины», «Базар поэта», «По Швеции».

Ганс Христиан Андерсен

Картинки-невидимки

Странное дело! Всякий раз, как чувства во мне разгорятся с особенной силой и так вот и просятся наружу — точно кто свяжет мне и руки и язык! Ни передать, ни высказать того, что у меня на сердце! А ведь я художник; я и сам это вижу, и от других слышу, ото всех, кто только видел мои рисунки и наброски. Человек я бедный и живу в узеньком переулке; светом я, впрочем, богат: каморка моя в самом верху, и я пользуюсь видом на все соседние крыши. Первые дни по переезде в город мне было как-то не по себе: тесно, скучно, вместо леса и зеленых холмов на горизонте — одни закоптелые трубы. Ни одной знакомой души, ни одного дружеского, приветливого лица!

Но раз вечером подхожу я в грустном раздумье к окошку, растворяю его и выглядываю... Вот радость-то! На меня приветливо глядит знакомый круглый лик, мой лучший, давнишний друг — месяц! Он ничуть не переменялся, все такой же, как и в то время, когда светил, бывало, ко мне из-за ветвей ив, росших у болота. Я послал ему воздушный поцелуй, а он заглянул в мою каморку и пообещал навещать ко мне каждый вечер, когда выйдет на прогулку. Он и сдержал слово; жаль

только, что визиты его обыкновенно так коротки! Он всякий раз что-нибудь рассказывает мне о том, что видел или накануне, или в этот же вечер. «Набрасывай эти картинки в тетрадь, и выйдет целая книжка с картинками!» — сказал он мне в первое же свое посещение. Я так и делал вечер за вечером и мог бы теперь предложить вам своего рода новую «Тысячу и одну ночь» в картинах, да это, пожалуй, было бы уж слишком! Даю поэтому лишь несколько картинок; я не выбирал их, они являются здесь в том же порядке, в каком набросаны у меня. Гениальный художник, поэт или композитор сумел бы воспользоваться этим материалом лучше, я же могу дать только одни бледные наброски вперемешку с собственными размышлениями — месяц навещал меня ведь не каждый вечер: случалось, что его заволакивали облака.

Вечер I

«Прошлою ночью, — говорю словами самого месяца, — я скользил по ясному небу Индии, глядясь в воды Ганга. Лучи мои тщетно силились проникнуть сквозь чащу старых платанов; густолиственные ветви их переплелись и образовали стену, непроницаемую, как броня черепахи. Вдруг из чащи вышла молодая девушка,

легкая, как газель, прекрасная, как сама Ева, истая дочь Индии, поражающая какою-то воздушной прелестью и в то же время пышной роскошью форм. Сквозь тонкую кожу, казалось, просвечивали самые мысли девушки. Колючие лианы рвали ее сандалии, но она быстро шла вперед. Хищный зверь, только что утоливший в реке свою жажду, пугливо отпрянул в сторону: в руках у девушки сияла лампада. Я видел, как переливалась алая кровь в нежных пальчиках, прикрывавших пламя от ветра. Вот она подошла к реке и пустила лампаду по течению. Огонек заколебался; вот-вот он погаснет, но нет! Девушка провожала его сияющим взором; все силы ее души сосредоточились в сверкающих огнем глазах, опущенных шелковой бахромой длинных ресниц. Ведь если огонек будет гореть, пока лампада не скроется из виду — милый ее жив; погаснет — значит, он умер! Лампада плыла, огонек горел, то вспыхивая, то замирая, а с ним вместе то вспыхивало надеждой, то замирало и сердце девушки. Вот она опустилась на колени, и уста ее зашептали молитву. Невдалеке притаилась в густой траве холодная скользкая змея, но девушка не думает о ней; мысли ее несутся к Бrame и к милому. «Он жив!» — радостно восклицает она, и горы шлют отклик: «Он жив!»»

Вечер II

«Вчера, — рассказывал месяц, — я заглянул во дворик, стиснутый со всех сторон высокими стенами домов. Вокруг наседки с целым выводком цыплят прыгала прехорошенькая маленькая девочка, а наседка отчаянно кудахтала и топорила крылья, стараясь укрыть своих деток. На шум явился отец девочки и принялся бранить шалунью. Я скрылся и скоро забыл про эту историю, но сегодня, всего несколько минут тому назад, я опять заглянул во двор. Сначала все было тихо, но скоро явилась девочка, подкралась к курятнику, отодвинула задвижку и шмыгнула в угол, где сидела наседка с цыплятами. Курица закудахтала, цыплята запищали и принялись метаться из угла в угол; девочка гонялась за ними. Я видел все это в щелочку курятника, и мне было очень досадно на злую шалунью. То-то обрадовался я, когда в курятник вошел ее отец! Он схватил девочку за руку и напустился на нее еще сердитее, чем вчера. Она откинула головку назад; большие голубые глаза ее были полны слез. «Зачем ты забралась сюда?» — спросил отец. Она заплакала: «Я... я хотела поцеловать курицу и попросить у нее прощения за вчерашнее, да боялась сказать тебе!..» И отец поцеловал невинную малютку в лоб, а я — в глазки и в губки!»

Вечер III

«Недалеко есть переулок до того узкий, что я могу заглянуть в него мимоходом лишь на минуту, но мне довольно и этого беглого взгляда, чтобы рассмотреть, какие люди там ютятся. Сегодня я видел там женщину. Шестнадцать лет тому назад она была ребенком и беззаботно играла в саду старого пасторского дома, за городом. Старые кусты роз, доживавшие свой век, росли вкривь и вкось, а свежие дикие побеги их перекидывались через дорожку и переплетались с ветвями яблонь. На кустах, однако, виднелись еще кое-где розы. Они, хоть и не отличались уже обычной красотой цариц цветов, все-таки украшали кусты и разливали вокруг благоухание. Куда прекраснее их была, по-моему, дочка пастора. Она притаила под кусты маленькую скамеечку и сидела тут, баюкая и целуя свою куклу с провалившимися щеками. Прошло десять лет, и я увидел девушку в великолепно убранной бальной зале. Она была невестой богатого купца. Я порадовался ее счастью и часто потом следил за нею тихими вечерами. Увы! Мало кто думает о моем ясном, всевидящем оке! Прекрасная роза моя тоже росла вкривь и вкось, пускала дикие побеги, как розовые кусты в пасторском саду! И среди будничной жизни разыгрываются своего рода трагедии; вчера вечером я видел в узком переулке

последнее действие одной из таких трагедий. Девушка лежала на постели при смерти, но злой хозяин, единственный ее покровитель, безжалостно отдернул занавеску. «Вставай, принарядись, пугало ты этакое! — грубо крикнул он на нее. — Добывай деньги, или я вышвырну тебя на улицу! Ну, живо!» — «Я умираю! Дайте мне отойти с миром!» — молила она. Но он поднял ее силой, сам наругав ее щеки, убрал голову цветами и, посадив ее у открытого окна, близ ярко горящей свечки, ушел. Я смотрел на нее. Она сидела неподвижно, уронив руки на колени. Ветер порывисто захлопнул окно; одно из стекол вылетело, занавеска взвилась над головой девушки, но она не шевельнулась: она умерла! Из открытого окна глядело немое нравоучение — моя роза из пасторского сада».

Вечер IV

«Вчера вечером я побывал в немецком театре, в одном провинциальном городке! — начал месяц. — Театром служила конюшня: стойла были переделаны в ложи, деревянные перегородки обиты разноцветной бумагою. С низкого потолка спускалась небольшая железная люстра; как раз над нею в потолок вделали опрокинутый вверх дном бочонок, чтобы люстру можно было поднимать кверху, как это делается в больших театрах.

«Динь-динь!» — зазвонил суфлер, и люстра — прыг в бочонок; теперь уж все знали, что представление сейчас начнется! На представлении присутствовала проезжая княжеская чета; театр поэтому был набит битком, только под самой люстрой образовалось что-то вроде маленького кратера. Тут не сидело ни души, — свечи оплывали, и сало то и дело капало на пол: «кап-кап!» Я видел все это, — в театре стояла такая жара, что пришлось открыть люки, заменявшие окна. С улицы в них заглядывали мальчишки и девчонки, даром что в театре сидела полиция и грозила им палкой. Перед самым оркестром восседала на двух старых креслах княжеская чета. Обыкновенно эти места занимали бургомистр и его супруга, но сегодня им пришлось сесть на простые скамьи наряду с прочими горожанами. «То-то! И над нашими господами, знать, есть господа», — шушукались между собою кумушки, и все кругом приобретало в их глазах еще более праздничный вид. Люстра ушла в потолок, уличным зевакам попало по рукам палкой, а мне... мне удалось посмотреть комедию!»

Вечер V

«Вчера, — рассказывал месяц, — я плыл над неугомонным Парижем и заглянул в луврские

покои. Сторож ввел в огромную пустынную тронную залу какую-то бедно одетую старушку из простонародья. Она так добивалась увидеть эту залу! И сколько это стоило ей хлопот и денег, сколько упрасиваний! Теперь она стояла посреди залы, сложив руки и благоговейно озираясь вокруг, точно попала в церковь. «Так вот где это было! Вот где! — промолвила она и подошла к трону, драпированному дорогим бархатом с золотой бахромой. — Тут! — продолжала она. — Тут!» И, опустившись перед троном на колени, она поцеловала бархатную драпировку. Мне почудилось, что она плакала. «Это уж не тот бархат!» — сказал сторож, и на губах его заиграла улыбка. «Но все-таки это было здесь! — сказала старушка. — И все осталось здесь по-прежнему!» — «Осталось, да не совсем! — ответил он. — Окна тогда были выбиты, двери выломаны, а на полу стояли кровавые лужи! Но все же это верно: ваш внук умер на троне Франции!» — «Умер!» — прошептала старуха. Больше, кажется, не было сказано ни слова, и они скоро ушли. Вечерние сумерки сгустились, и на дорогом бархате трона легли от моих лучей еще более яркие блики. Как ты думаешь, кто была эта старуха? Я расскажу тебе историю. Дело было во время Июльской революции, под вечер, в день блистательной победы, когда каждый дом служил крепостью,

каждое окно бойницею. Народ атаковал дворец; в толпу осаждающих вмешались и женщины и дети. Скоро они ворвались в роскошные покои дворца. Бедный оборванный мальчуган-подросток храбро дрался в рядах взрослых и пал, смертельно раненный штыками. Случилось это в тронной зале. Его подняли и положили на трон Франции; из ран струилась кровь, и их пытались заткнуть дорогим бархатом, но кровь скоро просочилась сквозь него. Вот была картина! Роскошная зала, группы сражающихся, на полу разорванное знамя, над штыками трехцветные значки, и на троне Франции бедный мальчуган с обнаженной грудью, помертвевшим, но ясным лицом и устремленным к небу взором! Жалкие лохмотья и рядом роскошный пурпурный бархат, затканый серебряными лилиями! Предсказал ли кто этому мальчику еще в колыбели: «Он умрет на троне Франции?» Мать, может быть, мечтала о новом Наполеоне! Я целовал венок из иммортелей, украшавший его могилу, целовал ночью в лоб и старуху бабушку, когда ей грезилась во сне картина, что я сейчас нарисовал тебе: бедный мальчик на троне Франции!»

Вечер VI

«Я был в Упсале! — сказал месяц. Там есть обширная равнина, а по ней разбросаны чахлые

пастбища и истощенные поля. Я плыл над нею и гляделся в воды реки Фири; по реке скользил пароход, загоня испуганных рыб в осоку. Подо мною неслись облака, бросавшие длинные тени на холмы, или могилы Одина, Тора и Фрейи, как их прозвали. Холмы одеты тонким дерном, и на нем вырезано множество имен. Тут нет ни памятников, ни скал, на которых бы можно было выцарапать или написать свои имена, так путники и пользуются дерном. Обнаженные полосы земли, образующие буквы и целые имена, испещряют холмы вдоль и поперек. Увы, эти пути к бессмертию скоро зарастают травой!.. На вершине одного из холмов стоял певец. Он поднес к устам налитый медом рог, охваченный широким серебряным кольцом, и осушил его до дна, прошептав при этом чье-то имя. Он просил ветер не выдавать его, но я-то слышал, чье это было имя! Над ним сияет графская корона, потому певец и не осмелился произнести его вслух. Я улыбнулся: над его именем сияет ведь корона поэта, а если имя знатной Элеоноры Эсте и живет еще до сих пор, то лишь благодаря тому, что связано с именем Тассо! И я знаю, где цветет роза поэта!..»

Тут облака заволокли месяц и скрыли его от меня. Ничего! Лишь бы они не становились между поэтом и розой!

Вечер VII

«Вдоль морского берега тянется густой лес — дубы да буки. Как славно пахнет там весною! Каждую весну он оглашается также трелями сотен соловьев. Поблизости, как сказано, море, вечно изменчивое море, а между ним и лесом бежит проезжая дорога. По ней то и дело катятся телеги. Я не слежу за ними; лучи мои больше любят отдыхать на древнем кургане. Серые камни опутаны побегами ежевики и дикого терна. Вся природа дышит здесь поэзией! А знаешь, как относятся к ней люди? Я расскажу тебе, что я слышал там вчера вечером и ночью. Проехали двое богатых крестьян. «Чудесные деревья!» — сказал один. «Да, из каждого выйдет возов по десяти дров! — отозвался другой. — Зима нынче будет суровая, а мы и прошлый год брали по четырнадцати риксдалеров за сажень!» И они проехали. «Какая тут скверная дорога!» — сказал следующий проезжий. «Это все проклятые деревья виноваты! — ответил ему товарищ. — Этакая сырость! Ветер только с одной стороны — с моря!» И эти тоже проехали. Затем прокатил дилижанс. Пассажиры проспали самое живописное местечко во всей окрестности. Не спал один кучер; он трубил в рог, и, верно, думал про себя: «Каков я трубач! И как здесь славно раздастся!» Потом проскакали верхом двое парней.

«Ну что-то эти скачут? В них молодость бьет ключом, кровь играет как шампанское!» — подумал я. Они с улыбкой поглядели на одетый мхом курган и на темную чашу кустов. «Вот бы прогуляться тут с мельниковой Христиной!» — сказал один из парней, и оба промчались. А в сонном воздухе струилось такое благоухание, море, казалось, сливалось с небом, опрокинувшись над глубокой долиной!.. Мимо проехал еще экипаж. В нем сидело шесть человек; четверо спали, пятый размышлял о своем новом летнем пальто: «Должно быть, идет!» Шестой же нагнулся к кучеру и спросил: «Что это за куча камней? Чем-нибудь замечательна?» — «Нет! — ответил парень. — Куча как куча, а вот деревья, те примечательны!» — «Ну, ну, расскажи!» — «Да вот зимой, когда всю дорогу заносит снегом, они служат мне приметой! Держись, значит, их, не то как раз угодишь в море! Вот какие они примечательные!» Проехали и эти. На смену им явился художник; глаза его так и сияли, но он не говорил ни слова, а только посвистывал. Соловьи заливались один громче другого. «Заткните глотки! — заворчал он, тщательно отмечая в своей записной книжке оттенки и тона. — Голубой, лиловый, темно-коричневый... То-то выйдет картина!» Он, как зеркало, воспринимал в себя картину окружающей природы, ни на минуту не переставая

насвистывать какой-то марш Россини. После него пришла сюда бедная девушка. Она сложила свою ношу у подножия кургана и присела возле нее сама, склонившись бледным, прекрасным личиком в сторону леса, откуда неслись соловьиные трели. Как сияли ее глаза при виде безграничного простора неба и моря, слившихся вместе! Она сложила руки и, видимо, погрузилась в тихую молитву. Она и сама не ведала, какие чувства волновали ее душу, но я знаю, что и многие, многие годы спустя поразившая ее в эту минуту своею дивною красотой природа будет отражаться в ее воспоминании куда прекраснее, куда правдивее, нежели в картине художника, как бы точно ни отметил он все краски! Я следил за девушкой до тех пор, пока чела ее не коснулся приветственный поцелуй утренней зари».

Вечер VIII

Все небо было покрыто тучами, месяц не показывался, и чувство сиротливого одиночества давило меня еще сильнее обыкновенного. Взор мой невольно направлялся в ту сторону, откуда должен был появиться месяц, мысли тоже неудержимо неслись к моему дорогому другу; он так мило утешал меня каждый вечер своими рассказами, рисовал мне такие чудные картинки!.. Да, чего-чего

не перевидал он на своем веку! Он видел и картину всемирного потопа, приветливо заглядывал, как теперь в мою каморку, и в ковчег, утешая его узников надеждой на обновление мира. Грустно глядел он и на евреев, плакавших на реках вавилонских, под сенью плакучих ив, на ветвях которых висели замолкшие арфы. Полускрытый ветвями кипарисов, рисовавшихся темными тенями в прозрачном воздухе, следил мой круглолицый друг и за Ромео, видел, как юноша пробирался на балкон, слышал, как прозвучал в тиши ночной страстный поцелуй, унесшийся в небо, как мысль херувима! Видел месяц и героя на острове Святой Елены: одиноко стоял он на скале, устремив взор на море, и думал великую думу. Да, о чем только не может рассказать месяц! Всемирная история для него одна сказка. Сегодня я уже не увижу тебя, мой старый друг, не сделаю в тетради на память о твоём посещении нового наброска! И вдруг из-за туч блеснул на мгновение луч света; блеснул и погас, тучи снова сгустились, но все же месяц успел послать мне свой привет, пожелать спокойной ночи.

Вечер IX

Прошло несколько вечеров; небо опять было ясно, месяц появился в первой своей четверти и

подал мне идею новой картинки. Послушайте, что он рассказал мне!

«Я смотрел вслед полярной птице и плывущему киту; они направились к восточным берегам Гренландии. Голые скалы, увенчанные льдинами и облаками, окружали долину, покрытую ковром из мха и цветущей черники. Душистые гвоздички струили свое сладкое благоухание. Я разливал вокруг матовый свет; диск мой был бледен, как долго носившийся по воде, оторванный лепесток кувшинки. На небе горело северное сияние. Из середины гигантского сияющего венца подымались бесконечные огненные снопы, переливавшиеся зелеными и красными огнями. Но окрестные жители, собравшиеся в долину на празднество, не дивились на это зрелище; они привыкли к нему. «Пусть себе души умерших играют в лапту головами моржей!» — думали они, занятые своей пляской и пением. Посредине круга стоял человек без шубы, бил в барабан и воспевал охоту за тюленями. Остальные, одетые в белые шубы, хором подхватывали: «Эйа, эйа-а!» — прыгали и плясали, дико поводя глазами и крутя головами. Медвежий бал, да и только! Потом началось судьбище. Противники выступали на середину круга, и обиженный затягивал под аккомпанемент барабана песню, в которой высмеивал своего обидчика. Тот отвечал такой же

остроумной импровизацией. Толпа хохотала и затем произносила свое решение. Со скал слышался грохот: это скатывались вниз и дробились в пыль лавины; над равниной стояла чудная летняя гренландская ночь. Шагах в ста от сборища, в открытой юрте из звериных шкур, лежал больной. Кровь еще не застыла в его жилах, но смерть была уже близка; он и сам этому верил, и все окружающие, и жена уже наглухо зашила его в шкуры, чтобы потом не прикасаться к мертвому телу. «Где тебя похоронить? — спросила она его. — Хочешь, зарю тебя в снег на вершине скалы и украшу твою могилу каяком твоим и стрелами? Или тебе хочется лежать в море?» — «В море!» — прошептал, грустно улыбаясь, умирающий. «То-то славная летняя палатка! — сказала жена. — Там скачут тысячи тюленей, там спит морж, там ждет тебя веселая счастливая охота!» И дети с воем сорвали затягивавший окно олений пузырь, чтобы можно было вынести умершего из юрты и погрузить его в волны моря; оно давало ему пищу при жизни, оно же даст ему и приют по смерти! Надгробным памятником ему будут служить плавающие, вечно сменяющие одна другую льдины; на них будут дремать тюлени, а над ними реять буревестники».

Вечер X

«Знавал я одну старую деву! — рассказывал месяц. — Зимой она постоянно носила один и тот же желтый атласный салоп; он как будто не изнашивался, не выходил из моды. Летом же она ходила в одной и той же соломенной шляпе и, кажется, все в одном и том же голубом платье. Из дома она выходила только в гости к старой приятельнице, жившей в доме напротив. В последние годы она, впрочем, не ходила и туда — приятельница ее умерла. Я постоянно видел старую деву в ее каморке одну-одинешеньку. Летом окно каморки было заставлено чудесными цветами, а зимою на нем красовалось доньшко от старой шляпы, в котором зеленел кресс-салат. Весь последний месяц старушка уже не присаживалась к окошку, но я знал, что она еще жива: я бы увидел, как она отправилась в тот «дальний путь», о котором так часто беседовала со своей приятельницей. «Да! — говаривала она тогда, — по смерти мне предстоит такой путь, какого я не сделала за всю свою жизнь! Наша семейная могила в шести милях от города; меня отвезут туда и положат рядом с моими родными!..» Вчера вечером я увидел перед домом телегу; скоро из дома вынесли и поставили на нее гроб; значит, старая дева умерла! Гроб прикрыли рогожами, и телега тронулась. В гробу тихо спала старая дева. Во весь

последний год своей жизни она ни разу не переступила порога своей каморки, а вот теперь после смерти отправилась в дальний путь! Телега направилась за город, да еще вскачь, словно везла кого на гулянье, а очутившись за городом, парень погнал лошадей еще шибче, то и дело боязливо оглядываясь назад. Право, кажется, он трусил: а вдруг дескать покойница-то встала да сидит теперь в своем желтом атласном салопе на крышке гроба?! Вот почему он так безрассудно и гнал лошадей, не отпуская в то же время поводья, так что удила покрылись пеною. Лошади были молодые, горячие; заяц перебежал дорогу, и они понесли. Тихая скромная старушка, едва бродившая и у себя-то по каморке, мчалась теперь во всю прыть через пни и кочки. Наконец обернутый рогожею гроб так подпрыгнул, что выскочил из телеги и остался лежать на дороге, а телеги, парня и лошадей и след простыл. Сыпля звонкие трели, взвился с поля жаворонок, пропел над гробом свою утреннюю песенку, потом сел на него и принялся теребить клювом рогожу, словно желая сорвать с кокона оболочку. Затем птичка опять взвилась к небу с звонкой песенкой, а я спрятался за румяные утренние облачка».

Вечер XI

«Был свадебный пир! — рассказывал месяц. — Пропели задравные песни, осушили задравные кубки, и гости оставили богатые покои. Было уже за полночь. Матери поцеловали молодых, и они остались одни. Оконные занавеси были задернуты не совсем плотно, и я мог заглянуть к ним. В уютной опочивальне горела лампа. «Слава Богу! Наконец-то все разошлись!» — сказал муж, покрывая поцелуями руки и губки жены. А она улыбалась ему сквозь слезы, покаясь на его груди и вся трепеща от волнения, как цветок лотоса на зыбкой поверхности потока. Полились тихие задушевные речи... «Спи с Богом!» — наконец сказал он, но она подошла к окну и откинула занавеску. «Как чудно сияет месяц! — промолвила она. — Гляди, как тихо, как светло!» — И она погасила лампу. В уютной комнатке стало темно, и в этой темноте сияли только мои лучи да глаза молодого мужа. Женственность! Целуй лиру поэта, когда он воспеваает мистерии жизни!»

Вечер XII

«А вот тебе еще картинка! — начал месяц. — Я плыл над предместьем Помпеи, над улицею Гробниц, где стоят ряды прекрасных памятников, где некогда плясали увенчанные розами жизнерадостные юноши с девушками, сестрами